

Вырезка из газеты

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ОТ . . . 8 ДЕК 1966

г. Москва

Газета № . . .

ЧИТАЮТ АСЕЕВ, БУНИН, ЛУГОВСКОЙ...

Можно знать наизусть каждую строку любимого поэта и, однако же, упустить в нем что-то важное — пока не познакомишься с его внешним обликом. Нам многого не доставало бы если бы Тропинин не писал Пушкина, Репин — Толстого, если бы кисть живописца, резец скульптора, объектив фотографа не открывали бы современникам и потомкам зримые черты великих.

Слышать их, быть может, так же существенно, как видеть. Стиль поэта или мыслителя не только в написанной им строке — он и в том, как прочитана эта строка.

С только что вышедшей пластинки звучат голоса Ивана Бунина и Леонида Андреева, Телешова и Ситальца, Всеволода Иванова и Уткина, Михаила Светлова и Асеева, Тынянова и Маршака, Михаила Кольцова и Луговского, Аркадия Гайдара и Анны Ахматовой, Семена Гудзенко и Бориса Пастернака, Юрия Олеши, Казакевича и Погодина.

Вместе со вторым выпуском серии «Говорят писатели» в нашем литературоведении, кажется, утвердился новый жанр. Отныне пройти мимо опыта Ираклия Андроникова, мимо его «Антологии» просто грешно. Лучшие творения наших поэтов и прозаиков, истинный голос нашей литературы в буквальном смысле слова должен стать и несомненно станет достоянием ее нынешних и будущих читателей. После того как стихи, рассказы, романы замечательных художников вошли в каждый дом, мы как бы распахиваем двери перед авторами. Ираклий Андроников приглашает их, вводит их к нам в полной уверенности, что никто не откажется принять у себя дорогих гостей.

В самом деле, у кого не возникнет желания вслушаться в строки «Гренады», прочитанные Михаилом Светловым с прочтающей сердце задушевностью, мудростью и просветленной скорбью! Впрочем, нет, не прочитанные и, конечно уж, не исполненные. Так же как классическое «Мужество» Ахматовой, «Старуха, дверь закрой» Маршака, светловская «Гренада» сказана с безыскусственностью, в которой вершина искусства. Кто услышит из уст поэта, как «по небу тихо сползла, погода, на бархат заката слезинка дождя...», для того «Гренада» и Михаил Светлов оживут заново. Кто услышит, с какой детской открытостью читает Пастернак: «Не спи, не спи, художник, не предавайся сну. Ты — вечности заложник у времени в плену», — тот вновь и глубже погрузится в поэзию, где «дышат почва и судьба».

Бунин именно прочел «Одиночество» — сдержанно, четко, словно в наглухо застегнутом сюртуке. Последние строки: «Что ж! Камин затоплю, буду пить... Хорошо бы собаку купить», — прозвучали почти ожесточенно. Именно исполнены были «Синие гусары» Николая Асеева, «Большевикам пустыни и весны» Владимира Луговского...

Разумеется, тот или иной оттенок в чтении может быть случайным, и все-таки поразительно, насколько манера произнесения нескольких фраз обнажает внутреннюю суть творчества и самой личности. Больше того — стиль эпохи, мгновение истории, ее боль и страсть.

Право же, стоит услышать, с какой интонацией вспоминает Телешов о премьере последней чеховской пьесы, а Всеволод Иванов — о Станиславском и Баталове; как Леонид Андреев, говоря «О положении русского писателя в данную минуту и об отношении к нему критики», намечает заголовок статьи — «На лобном месте»; как Аркадий Гайдар в августовские дни 1941 года... — нет, подробный пересказ ни к чему: есть аккомпанемент Ираклия Андроникова, который свою задачу решил превосходно. Решил как упорный изыскатель, обнаруживший уникальные записи Бунина, Тынянова... Как строгий ценитель, продемонстрировавший искусство отбора, особенно важное, когда надо отдать предпочтение одной из нескольких лент и одному из разных поэтов. Как ученый, не только знающий прошлое литературы, ее фанты, но улавливающий их связь друг с другом и с современностью.

От «Синих гусар» Асеева — через декабристов — переходит Андроников к тыняновскому переводу «Теории» Генриха Гейне. По ниточке перевода — к Маршаку... Неперывающейся тропинкой истории и логики связывает здесь воедино все участники «Антологии».

Ираклий Андроников исполнил свою роль и как артист с безошибочным чувством такта и меры. Его слово всегда оправданно. Он не вторгается на авансцену и не переходит границы, за которой необходимый аккомпанемент глушит голос певца.

Потому так проникновенно звучит здесь голос великой истории и великой поэзии.

М. КОРАЛЛОВ